

Кожа, которая ПОМНИТ

ДЕРЕВНЯ ИВОВОЙ ТЕНИ

Юки

Кожа, которая помнит

«Автор»

2026

Юки

Кожа, которая помнит / Юки — «Автор», 2026

В Ивовой Тени, где тишина хранит больше, чем говорит, шестнадцатилетняя Рин внезапно сталкивается с тайной, которую её семья скрывала многие годы. Загадочные знаки на её коже и запертая комната в родном доме открывают путь к правде о древней силе, связанной с её кровью. Чем глубже Рин погружается в прошлое, тем яснее становится: её судьба не случайна. И теперь ей предстоит решить, готова ли она принять наследие, способное изменить не только её жизнь, но и весь мир вокруг.

Содержание

Глава 1	5
Ритм повседневности	5
Глава 2	6
Шепот старых вещей	6
Глава 3	7
Звуки за стеной	7
Глава 4	8
Осколки тишины	8
Глава 5	10
Тяжелое наследие	10
Глава 6	11
Граница миров	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юки

Кожа, которая помнит

Глава 1

Ритм повседневности

Деревня Ивовой Тени жила по своим, неспешным законам. Здесь жизнь измерялась не часами, а сменой сезонов и тем, как высоко поднялось солнце над горным хребтом. Рин знала каждый уголок этого места: от старой бамбуковой рощи до тропинки, ведущей к реке. Её жизнь была предсказуемой и размеренной, как дыхание спящего человека.

Каждое утро начиналось одинаково. Рин помогала отцу, Такеши, перебирать сушеные травы в их небольшой лавке. Отец был человеком немногословным, он предпочитал общение с корнями и ступкой, а не с людьми. Мать, Хана, была мягкой, но в её движениях всегда чувствовалась какая-то осторожность, словно она боялась ненароком задеть что-то невидимое.

Рин росла в этой тишине. Она никогда не чувствовала себя «другой» в плохом смысле — скорее, она ощущала себя частью этого спокойствия. Но в последние месяцы, когда ей исполнилось шестнадцать, эта привычная картина начала казаться ей немного... неполной.

Всё началось с мелочей. Рин стала замечать, что её кожа реагирует на перемены погоды иначе, чем у других. Когда в горах собиралась гроза, на её левом плече возникало легкое, почти приятное тепло. Она не придавала этому значения, считая это особенностью организма, как веснушки или цвет глаз. Она просто привыкла потирать это место, когда становилось слишком душно.

Однажды, помогая отцу в лавке, она случайно разбила тяжелую керамическую ступку. Она испугалась, что осколки поранят её, но когда один из них полоснул по ладони, Рин даже не вскрикнула. Кровь не потекла. На месте пореза осталась лишь тонкая, быстро бледнеющая полоска, которая исчезла через несколько минут, словно её и не было. Рин тогда просто вытерла ладонь о фартук, решив, что кожа у неё «очень грубая» от работы в лесу. Отец, стоявший рядом, на мгновение замер, его рука с пестиком зависла в воздухе, но он не сказал ни слова. Лишь на мгновение в его глазах промелькнуло что-то похожее на усталость.

Вечерами, когда работа заканчивалась, Рин любила сидеть на крыльце и смотреть, как туман медленно заполняет долину. Она не искала ответов, она просто наблюдала. Она видела, как родители переглядываются, когда она входит в комнату, как они замолкают, если она подходит слишком близко к их личным вещам. Это не вызывало у неё страха или желания немедленно докопаться до истины. Это было просто фоновое ощущение — как будто в книге, которую она читает каждый день, вдруг начали появляться страницы, написанные на языке, который она пока не понимала.

Рин была довольна своей жизнью. Она любила своих родителей и свою деревню. Но иногда, глядя на горы, она ловила себя на мысли, что её мир — это не всё, что существует. И это чувство не было пугающим. Оно было просто тихим вопросом, который она пока не решалась задать вслух.

Глава 2

Шепот старых вещей

Дни в Ивовой Тени текли по-прежнему размеренно. Рин продолжала помогать в лавке, и её жизнь казалась такой же прозрачной, как горный ручей. Однако, чем больше она присматривалась к привычным вещам, тем чаще ловила себя на мысли, что дом хранит гораздо больше тайн, чем она предполагала.

В их доме была комната, куда родителям вход был открыт, а ей — нет. Не то чтобы они запрещали туда заходить, просто дверь всегда была прикрыта, а в воздухе вокруг неё словно висела невидимая завеса, отбивающая всякое желание любопытствовать. Но в тот день, когда Такеши и Хана ушли в соседнее селение за редкими семенами, Рин осталась одна.

Она занималась уборкой в гостиной, когда её внимание привлекло странное движение воздуха — сквозняк приоткрыл дверь той самой комнаты. Рин замерла. Внутри было прохладно и пахло не травами, а старой бумагой и чем-то металлическим, напоминающим запах озона перед сильной грозой.

Она вошла внутрь. Комната была пуста, если не считать массивного сундука из темного дерева, стоящего в углу. Рин подошла ближе. На крышке сундука не было замка, лишь вырезанный в дереве узор — тот самый, что она видела на своем плече в зеркале: переплетенные линии, напоминающие крылья. Она не собиралась открывать его, просто коснулась пальцами резьбы.

В тот же миг дерево под её кожей отозвалось едва слышным гулом. Это не было магией или чудом — скорее, походило на вибрацию струны, которую кто-то задел. Рин отдернула руку, чувствуя, как в груди разливается странное тепло.

В этот момент снаружи послышались шаги. Родители вернулись раньше, чем она ожидала. Рин поспешно вышла из комнаты, прикрыв дверь, и занялась привычными делами. Когда Такеши вошел в дом, он на мгновение остановился, принюхался к воздуху, и его взгляд, обычно добрый и спокойный, стал острым, как лезвие ножа. Он посмотрел на дверь комнаты, затем на Рин.

— Ты сегодня долго работала, — сказал он, и в его голосе Рин уловила нотку, которую никогда раньше не слышала: это была не строгость, а какая-то глубокая, почти болезненная забота.

— Да, отец, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Просто решила навести порядок.

Такеши медленно кивнул. Он не стал спрашивать, заходила ли она в ту комнату. Он просто подошел к ней и, впервые за долгое время, положил тяжелую ладонь на её плечо — именно на то место, где под одеждой скрывалось родимое пятно.

— Рин, — тихо произнес он. — Иногда вещи, которые кажутся нам обычными, хранят память о временах, когда мир был другим. Не пытайся разбудить то, что должно спать. По крайней мере, пока ты не будешь к этому готова.

Он ушел, оставив Рин стоять посреди комнаты. Она смотрела на свои руки и понимала: её родители не просто скрывали тайну. Они пытались удержать её в безопасности, защищая от чего-то, что было старше и сильнее их самих.

Это было первое осознанное столкновение с тем, что её жизнь — не просто череда дней, а часть чего-то, что она пока не могла осознать.

Глава 3

Звуки за стеной

После того разговора с отцом в доме воцарилась тишина, ставшая почти осязаемой. Такеши стал еще молчаливее, а мать, Хана, начала избегать прямого взгляда Рин. Она всё чаще задерживалась у окна, глядя на дорогу, ведущую к деревне, словно ожидая кого-то, чей приход не сулил ничего хорошего.

Рин старалась вести себя как обычно. Она продолжала собирать травы, перетирать корни и следить за огнем в печи. Но теперь, когда она оставалась одна, она прислушивалась. Ей казалось, что дом «дышит» вместе с ней. Иногда, по ночам, из той самой комнаты, где стоял сундук, доносились звуки: не скрип половиц и не шум ветра, а ритмичный, едва уловимый стук, похожий на биение сердца. Рин убеждала себя, что это просто старые балки дома остывают после жаркого дня, но внутри неё росло странное знание: это не дерево. Это что-то живое.

Однажды днем в деревню пришел странник. Это был не торговец и не путник, ищущий ночлега. Высокий, худощавый человек в сером дорожном плаще, он остановился прямо напротив их лавки. Он не зашел внутрь, а просто стоял, глядя на вывеску, словно читал на ней то, чего не видели другие.

Рин в это время расставляла сушеные пучки полыни на прилавке. Она почувствовала, как на плече снова разлилось тепло — на этот раз резкое, жгучее, как будто к коже приложили раскаленный уголь. Она вскрикнула и невольно схватилась за плечо.

Странник вздрогнул. Он медленно повернул голову и посмотрел прямо в окно, прямо на Рин. Его глаза, глубоко посаженные и темные, казались бездонными колодцами. В них не было угрозы, лишь холодное, отстраненное любопытство. Он слегка поклонился — не ей, а чему-то, что находилось за её спиной, — и так же бесшумно ушел прочь, растворившись в вечернем тумане.

Когда Рин вышла на крыльцо, чтобы посмотреть, куда он направился, улицы были пусты. Но на пыльной земле, прямо там, где стоял странник, остался странный след: трава в этом месте была примята не сапогами, а словно её опалило огнем, выжженным по кругу.

Вечером, когда Рин помогала матери накрывать на стол, она решила. — Мам, — тихо начала она, не глядя в глаза. — Сегодня у лавки стоял человек. Он... он смотрел на меня так, будто знал, кто я.

Хана уронила деревянную ложку. Та с глухим стуком ударилась об пол, но мать не подняла её. Она медленно обернулась к Рин, и та с ужасом увидела, как в глазах матери отразился неподдельный, ледяной страх.

— Ты не должна была смотреть на него, Рин, — прошептала Хана, и её голос дрожал. — Мы обещали, что ты никогда не узнаешь, как выглядят те, кто ищет нас. Мы обещали, что ты останешься просто дочерью травника... пока это возможно.

Отец, сидевший в углу комнаты, резко встал. Его лицо было бледным, как полотно. — Хана, хватит, — отрезал он. — Мы не можем держать её в неведении вечно. Но и говорить сейчас — значит подписать ей смертный приговор.

Рин замерла, чувствуя, как мир, который она считала безопасным, окончательно рассыпается. Она поняла: странник был не первым, кто приходил, и, судя по выражению лиц родителей, далеко не последним.

Глава 4

Осколки тишины

После того вечера в доме воцарилась гнетущая атмосфера. Родители не стали продолжать разговор, но их поведение изменилось: они перестали оставлять Рин одну даже на короткое время. Отец теперь всегда был где-то рядом — в саду, в лавке или во дворе, — а мать стала постоянно что-то напевать себе под нос, словно пытаясь заглушить тишину, которая теперь казалась им обоим угрожающей.

Рин молчала. Она видела, как они стараются вести себя как прежде, но их движения стали нервными, дергаными. Она больше не спрашивала о страннике, но начала замечать то, чего раньше не видела. Например, отец стал заколачивать ставни на окнах, выходящих в сторону леса, задолго до заката. А мать начала расставлять по углам дома чаши с солью и сухими цветами, которые, как говорили в деревне, отпугивают ночных духов.

Рин понимала: они готовятся к чему-то, чего она пока не видела, но уже чувствовала каждой клеточкой кожи.

На третий день после визита странника Рин отправилась к ручью. Ей нужно было хоть немного побыть в одиночестве, чтобы привести мысли в порядок. Лес был непривычно тихим. Птицы не пели, а насекомые замолкли, как только она отошла от дома на достаточное расстояние.

Она села на привычный камень и посмотрела на свои руки. На левом плече, под тканью платья, снова пульсировало тепло. Рин осторожно расшнуровала воротник и спустила край ткани. На коже, там, где раньше было лишь бледное пятно, теперь проступал едва заметный рисунок. Это не было татуировкой — линии казались частью её плоти, словно они просвечивали изнутри, как вены. Они складывались в сложный узор, напоминающий сплетение корней или языки пламени.

— Ты ведь тоже это видишь, да? — прошептала она в пустоту леса.

Ответа не последовало, но в этот момент ветер донес до неё странный запах — запах гари и мокрой шерсти. Рин резко обернулась. На другом берегу ручья, среди густого папоротника, она увидела движение. Это было не животное. Что-то высокое, тонкое, окутанное лохмотьями, которые сливались с цветом коры деревьев, стояло там, не шевелясь. Оно не имело четких очертаний, словно было собрано из теней и дыма.

Рин не закричала. Внутри неё вдруг стало удивительно холодно. Она поняла, что это существо не нападает — оно ждет. Оно ждет, когда она сама сделает шаг навстречу или когда её родители совершат ошибку.

Она медленно поднялась, не сводя глаз с тени, и начала отступать к деревне. Существо не последовало за ней. Оно просто растворилось в сумерках, оставив после себя лишь ощущение чужого взгляда, который теперь навсегда поселился в её сознании.

Вернувшись домой, Рин увидела, что отец стоит на пороге с топором в руках. Он смотрел не на дорогу, а в самую чащу леса. Его лицо было серым от усталости.

— Ты видела его, — это был не вопрос, а утверждение. Отец опустил топор и тяжело вздохнул. — Значит, время вышло. Они начали подходить ближе.

Рин подошла к нему и, впервые в жизни, взяла его за руку. Его ладонь была ледяной.

— Отец, — сказала она, глядя прямо ему в глаза. — Скажи мне, кто я. И почему они приходят именно за мной?

Отец посмотрел на неё, и в его глазах Рин увидела не страх, а глубокую, бесконечную печаль, с которой он жил все эти шестнадцать лет.

— Ты не «кто», Рин, — тихо ответил он. — Ты — «откуда». И это то, что они никогда не простят.

Глава 5

Тяжелое наследие

Слова отца повисли в воздухе, тяжелые и неповоротливые, как камни на дне колодца. «Ты — откуда». Рин повторяла эту фразу про себя, пытаясь найти в ней хоть какой-то смысл, но она лишь вызывала новые вопросы.

Отец не стал продолжать. Он просто развернулся и вошел в дом, жестом приказав ей следовать за ним. Внутри было душно от трав, которые мать развесила по всем углам. Хана стояла у очага, её руки дрожали, когда она помешивала похлебку.

— Она видела его, Такеши, — сказала мать, не оборачиваясь. — Я знаю, — ответил отец, опускаясь на низкую скамью. Он выглядел постаревшим на десять лет. — Значит, печать больше не держит. Мы не успели.

Рин села напротив них. Она чувствовала, как тепло на её плече сменилось пульсирующей болью, но это была не та боль, от которой хочется плакать. Это было ощущение пробуждения чего-то, что слишком долго находилось в спячке.

— Вы говорите загадками, — голос Рин прозвучал тверже, чем она ожидала. — Вы всегда говорили, что я особенная, чтобы защитить меня от зависти соседей. Но тот, в лесу... он не был человеком. И он пришел не из-за моей «крови», как вы говорили раньше. Он пришел за чем-то, что во мне спрятано.

Отец поднял на неё взгляд. Впервые за все годы Рин увидела в его глазах не опеку, а признание. Он видел перед собой не маленькую девочку, а ту, кем она была на самом деле.

— Мы нашли тебя в ночь великого звездопада, — начала Хана, подходя к столу и опускаясь на колени рядом с дочерью. Её голос был едва слышным шепотом. — Деревня тогда горела от жара, а небо было багровым. Ты лежала в колыбели из переплетенных ветвей ивы, и вокруг тебя воздух дрожал точно так же, как ты описывала это у ручья. Мы не знали, кто твои родители. Мы лишь поняли, что ты — не из нашего мира. Или, по крайней мере, не совсем из него.

Рин коснулась своего плеча. Рисунок под кожей стал горячим, почти обжигающим.

— Почему вы не оставили меня? — спросила она, чувствуя, как в горле встал ком. — Если это было так опасно, если вы знали, что за мной придут...

— Потому что ты была ребенком, — перебил её Такеши. В его голосе прорезалась сталь. — И потому что в ту ночь мы поняли: если бы мы оставили тебя там, в лесу, ты бы не выжила. Мы дали тебе имя, мы дали тебе дом, мы дали тебе человеческую жизнь. Мы надеялись, что если ты вырастешь среди людей, если ты будешь жить, как все, твоя истинная природа уснет навсегда. Мы думали, что сможем обмануть само время.

Рин посмотрела на свои руки. В полумраке комнаты ей показалось, что кожа на её ладонях на мгновение стала полупрозрачной, словно внутри неё текла не кровь, а жидкий свет.

— Вы не обманули время, — тихо сказала она. — Вы просто отложили неизбежное.

В этот момент снаружи, за стенами дома, раздался звук. Это не был вой ветра или крик ночной птицы. Это был протяжный, низкий гул, от которого задребезжала посуда на полках и погасли все свечи в комнате. Дом Ивовой Тени, который всегда казался крепостью, вдруг показался Рин невероятно хрупким.

Отец схватил топор, мать прижала руки к груди. Рин поняла: то, что было «снаружи», больше не намерено ждать.

Глава 6

Граница миров

Гул за стенами стих так же внезапно, как и начался, оставив после себя оглушительную тишину. В этой тишине Рин отчетливо слышала, как бьется её собственное сердце — непривычно медленно, словно оно отсчитывало секунды до чего-то неизбежного.

Отец не выпускал топор из рук, его костяшки побелели от напряжения. Он подошел к окну и приоткрыл ставню лишь на крошечную щель. — Они не вошли, — прошептал он, и в его голосе прозвучало странное облегчение, смешанное с ужасом. — Они ждут, пока ты сама выйдешь. Они чувствуют, что печать, которую мы наложили в детстве, треснула.

Рин поднялась. Она чувствовала себя странно легкой, будто гравитация в доме перестала на неё действовать. Тепло на плече превратилось в ровное, спокойное свечение, которое пробивалось сквозь ткань платья мягким золотистым ореолом. Она подошла к двери, но мать вскрикнула и схватила её за край рукава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.